

не был сторонником террора, как его практиковали якобинцы после сентября 1793 г.

LIV ВОССТАНИЯ В ВАНДЕЕ, В ЛИОНЕ, НА ЮГЕ

Если восстание не удалось в Бретани и в Нормандии, зато контрреволюционеры имели более успеха в провинции Пуату (департаменты Де-Севр, Вьенны и Вандеи), в Бордо и в Лиможе. Небольшие движения против Конвента произошли также в некоторых восточных департаментах: в Безансоне, Дижоне и Маконе, т. е. в тех местностях, где буржуазия, как мы видели раньше, свирепо расправлялась с крестьянами в 1789 г.

На юге, где давно уже работали роялисты, восстания произошли в разных местах. Марсель, попав под власть контрреволюционеров, жирондистов и роялистов, назначил себе временное правительство и собирался послать войска против Парижа. Тулуза, Ним, Гренобль тоже поднялись против Конвента.

Тулон даже принял английский и испанский флот, который и овладел укреплениями этого военного порта во имя Людовика XVII. Бордо, большой торговый город, готовился восстать в защиту жирондистов; а Лион, где торговая и промышленная буржуазия взяла верх уже 29 мая, открыто восстал против Конвента и выдержал долгую осаду, причем пьемонтские войска, пользуясь расстройством республиканской армии, которая должна была опираться на Лион, вступили в пределы Франции.

Вплоть до настоящего времени причины вандейского восстания еще недостаточно разъяснены. Нет никакого сомнения, что привязанность населения к своему духовенству, которой искусно воспользовались агенты папы и иезуитов, имела большое значение, чтобы поднять крестьян. Затем в деревнях Вандеи, конечно, держалась неопределенная привязанность к королю, так что роялистам легко было разжалобить крестьян рассказами о «бедном короле», который, говорили они, «хотел добра народу и за это был казнен парижанами». И сколько слез было пролито женщинами над судьбой бедного мальчика, наследника, запертого в тюрьму! Роялистским эмиссарам, приезжавшим из Рима, из Кобленца и из Англии с буллами от папы, с королевскими приказами и с английским золотом, легко было волновать крестьян, тем более что им покровительствовала местная буржуазия - бывшие торговцы невольниками-неграми, составлявшие богатое купечество в Нанте, и вообще крупные коммерсанты, которым англичане обещали оградить их от санкюлотов.

Наконец, была еще причина, которая одна могла поднять целые области. Это был рекрутский набор, объявленный Конвентом. В Вандее, связь которой с остальной Францией была еще очень слаба, набор был сочтен прямым нарушением самого святого права личности - права оставаться у себя дома и на своей родине защищаться от врагов.

Но со всем этим есть, я полагаю, основание думать, что были еще другие, едва ли не более глубокие причины, поднявшие вандейских крестьян против революции. Действительно, при изучении документов того времени беспрестанно приходится наткнуться на факты, которые помимо всяких других влияний должны были вызвать в крестьянах глубокое недовольство против Учредительного и Законодательного собраний. Уже то самое, что Учредительное собрание уничтожило мирской сход всех домохозяев каждой деревни, существовавший у них вплоть до декабря 1789 г., и, кроме того, еще разделило крестьян на активных и пассивных граждан и, лишая последних всякого права голоса, предоставило администрацию общинных дел избранныкам одних только активных, т. е. более зажиточных, крестьян, одного этого было достаточно, чтобы зародить в деревнях глубокое недовольство против революции, являвшейся в глазах крестьян детищем городских буржуа.

Конечно, 4 августа революция признала в принципе уничтожение феодальных прав и «права мертвой руки». Но «право мертвой руки» было, по-видимому, мало распространено в западной Франции, а уничтожение феодальных обязательств в продолжение четырех лет оставалось только на бумаге. А так как крестьянское восстание 1789 г. вообще было слабо в западной Франции, то с крестьян продолжали взыскивать феодальные повинности полностью по-прежнему.

С другой стороны - и это было чрезвычайно важно для деревенского населения, - продажа национальных имуществ совершилась в значительной мере в пользу городской буржуазии. Церковные имущества уже в силу своего происхождения должны были бы перейти преимущественно в руки бедных; но их скупали прежде всего горожане, и это возбуждало вражду деревни против города. К этому надо еще прибавить разграбление общинных земель буржуазией в прямой ущерб крестьянской бедноте, которому Законодательное собрание способствовало своими законами (см. гл. XXVI).